

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ

В.Путин: Добрый день, уважаемые коллеги!

Рад всех приветствовать на нашей традиционной встрече, которая в этом году проходит в преддверии Дня прав человека.

Как вы знаете, только что, совсем недавно, были вручены две новые Государственные премии. Хотел бы ещё раз выразить признательность лауреатам, да, собственно, всем, кто отдаёт свои силы и энергию благотворительной, волонтерской, правозащитной деятельности.

На наших предыдущих встречах мы не раз говорили о целесообразности дополнительных мер поддержки социально ориентированных НКО. Представители Совета самым активным образом участвовали в выработке предложений в этой сфере. И сейчас необходимые решения со стороны государства приняты. Напомню, что уже с 1 января 2017 года НКО – исполнители общественно-полезных услуг получают доступ к выполнению работ в социальной сфере, финансируемых за счёт бюджета. Причём минимум на два года. Это даст гарантии стабильности в деятельности таких НКО и, уверен, позитивно скажется на качестве социальной сферы страны в целом. Конечно, необходимо будет тщательно проследить за правоприменительной практикой. Рассчитываю, что Совет уделит особое внимание этому вопросу.

В целом работа Совета затрагивает самые разные направления общественной жизни, будь то проблемы, связанные с миграцией, экологией, защитой прав граждан в трудовых конфликтах или же конкретные вопросы градостроительной политики. И здесь, конечно, не может и не должно быть каких-то ограничений. Необходимо и дальше поднимать те темы, которые действительно больше всего волнуют наших граждан. Чутко и оперативно реагировать на ситуации, в которых граждане сталкиваются с несправедливостью, с равнодушием, порой формализмом, ущемлением своих прав в самых разных сферах.

Государство и гражданское общество – естественные союзники в достижении общих целей, главная из которых – благополучие наших людей. Конструктивный, содержательный, уважительный диалог между властью различных уровней и представителями гражданского общества всегда нужен и, безусловно, крайне полезен.

Особое значение в работе Совета имеет региональный аспект. Крайне важно знать, какова реальная ситуация с защитой прав человека на местах, где в этой сфере чаще всего и возникают проблемы. Я, конечно, знаю, что в ряде случаев Совет берёт на себя и роль арбитра в конфликтных ситуациях, когда возникают споры и противоречия, и тем самым способствует восстановлению социальной справедливости.

Отмечу и большую работу, проведённую Советом, его мониторинговыми группами в ходе недавней избирательной кампании. Ваше взаимодействие с Центральной избирательной комиссией, безусловно, было крайне важно. Вне всяких сомнений, любые нарушения на выборах, любые попытки исказить результаты волеизъявления должны, безусловно, пресекаться.

И здесь огромную роль играет общественный, гражданский контроль. Он повышает легитимность выборов, укрепляет доверие граждан к их результатам. Кроме того, он помогает определить те моменты, которые нуждаются в дополнительном законодательном регулировании.

Рассчитываю, что и ваша работа по защите избирательных прав граждан, и ваше сотрудничество с Центральной избирательной комиссией будут продолжены в ходе предстоящих выборных кампаний, в том числе в регионах Российской Федерации.

Не могу не упомянуть ещё об одном направлении деятельности Совета. Это работа по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. Нам нужно научиться воспринимать прошлое нашей страны таким, какое оно есть, помнить светлые, но и не забывать трагические страницы нашей истории. Если вы заметили, говорил об этом в Послании, повторю ещё раз: уроки истории должны не разделять, а объединять нас, способствовать сохранению гражданского мира и согласия.

Очень рассчитываю, что мы сегодня, как и всегда, сможем предметно обсудить те проблемы, которые требуют дополнительного внимания со стороны государства, требуют решения. Как и всегда, уверен, конечно, что у вас есть по всем этим вопросам, а их очень много, свои инициативы и свои предложения.

Спасибо большое за внимание.

Слово – Михаилу Александровичу Федотову.

М.Федотов: Спасибо, уважаемый Владимир Владимирович!

Сегодня Вы впервые вручали Государственную премию за выдающиеся заслуги в области правозащитной деятельности, и мы все очень рады тому, что этой высокой награды удостоилась член нашего Совета, наша любимая доктор Лиза. Мы рады за неё. И я надеюсь, что у Совета достаточно прекрасных кандидатов на то, чтобы эта премия вручалась и в будущие годы. Мы готовы быть поставщиком таких кандидатур.

Теперь позвольте сказать спасибо за оценку работы Совета. Совет действительно делал в этом году очень много, и недавний соцопрос, который проводился по нашей просьбе, показал, что Совет с 2014 года поднялся в общественном мнении как эффективный правозащитный институт с шестого места на второе и уступает первенство (правда, с большим отрывом) только Президенту Российской Федерации. У Вас, Владимир Владимирович, больше 50 процентов, у СПЧ – только 19. Но мы на втором месте. Это, мне кажется, очень правильно, президентский Совет должен быть рядом с Президентом.

В.Путин: Мои 50 процентов отчасти принадлежат вам. Так что спасибо большое.

М.Федотов: Спасибо.

И я Вам отвечу тем же, потому что наши 19 процентов – только благодаря Вашей поддержке. Без этого ничего бы не получилось. Узнаваемость Совета за это время выросла с 43 процентов до 63. Доверие выросло с 29 процентов до 49. А среди тех, кто хорошо знаком с работой Совета, доверие к Совету превышает 80 процентов. При этом каждый третий опрошенный считает, что рекомендации Совета реально учитываются при принятии государственных решений. Но, к сожалению, наша оценка далеко не столь оптимистична. За 4,5 года нашей совместной работы по нашей инициативе было дано больше 70 президентских поручений, однако реально исполнено чуть больше половины.

Учреждены госпремии в области правозащитной благотворительной деятельности, объявлены две достаточно широкие амнистии, принят закон об основах общественного контроля, создано общественное телевидение, утверждена Концепция государственной

политики по увековечению памяти жертв политических репрессий и в соответствии с Указом Президента в Москве сооружается мемориал памяти «Стена скорби». Я прошу, уважаемый Владимир Владимирович, в Вашем рабочем графике уже сейчас записать, зарезервировать 30 октября 2017 года. На этот день – это День памяти жертв политических репрессий – запланировано открытие этого скорбного монумента. И мы хотим, чтобы этот монумент ещё раз подчеркнул главную мысль, главный тезис Всеобщей декларации прав человека, очередной день рождения которой мы отметим послезавтра. Этот тезис звучит так: «Уважение прав человека – это главное лекарство против любых социальных потрясений и расколов в обществе».

Если бы все поручения, которые Вы давали по инициативе Совета, выполнялись столь же результативно, мы могли бы сказать, что у нас КПД выше, чем у паровоза. Но, увы, это не совсем так. Например, остались нереализованными наши предложения по наделению Совета статусом субъекта общественного контроля, какой имеют тысячи членов общественных наблюдательных комиссий, сотни общественных советов и общественных палат. В отсутствие такого статуса, который пригодился бы, уверен, и другим консультативным органам при Президенте, лишается всякого смысла наша функция по информированию главы государства о положении с правами человека в том или ином регионе. Вы об этом только что говорили, что Вы ждёте от наших поездок в регионы реальной информации о реальном положении с правами человека там. Но как мы можем Вам рассказать о том, что там реально происходит, если нас не пускают, если мы не можем прийти в колонию, в СИЗО, в социальные учреждения закрытого типа? Причём во многих случаях не пускают не по злой воле, а исключительно в силу отсутствия соответствующих правовых норм. Поэтому наша просьба: давайте создадим эти нормы, и Вы не только получите независимый источник объективной информации, но и укрепите взаимное доверие между гражданским обществом и государством.

Совет уже подготовил и направил в Думу поправки в Федеральный закон «Об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания». Их цель – обеспечить подлинно правозащитный характер общественного контроля в колониях и СИЗО, сделать его реальным, а не формальным. Но нельзя на этом останавливаться, нужны законы, пусть для начала региональные, об общественном контроле за соблюдением контроля прав человека в домах престарелых, психоневрологических интернатах, детских домах, школах и училищах закрытого типа для детей с девиантным поведением, в коррекционных учебных заведениях и так далее. Только всеобщий и повсеместный общественный контроль поможет нам победить коррупцию, казнокрадство, разгильдяйство, обеспечить реальное гражданское участие на любом уровне, в любой сфере. Соответствующие поправки в рамочный Закон «Об основах общественного контроля» мы уже подготовили.

Говоря о невыполненных президентских поручениях, нельзя обойти навязший на зубах вопрос о пресловутых иностранных агентах. Год назад Вы поручили его уточнить, убрав отсюда всякую правовую неопределённость, которая, как учит Конституционный Суд, прямой путь к произволу. Смело могу утверждать: Ваше поручение выполнено, но исключительно формально. Фактически проблемы только усугубились. Например, благотворительный фонд основателя «ВымпелКома» Дмитрия Борисовича Зимина «Династия». Он перевёл со своего счёта в кипрском офшоре деньги фонду «Либеральная миссия», основанному присутствующим здесь, сидящим рядом со мной Евгением Григорьевичем Ясиным. На эти деньги ясинский фонд собирался проводить научные семинары. Минюст счёл это политической деятельностью и включил оба фонда в реестр иностранных агентов. Узнав об этом, Евгений Григорьевич Ясин вернул деньги Дмитрию Борисовичу Зимину, и фонд «Либеральная миссия» был Минюстом из реестра исключён, а фонд «Династия» оставлен. Почему – никто не знает.

Более свежий пример. «Экологическая вахта по Северному Кавказу», глава которой входит в Совет по правам человека и при губернаторе Краснодарского края, и при главе Республики Адыгея. Недавно эту НКО тоже внесли в этот реестр. Почему? Я прочитал внимательно акт местного управления Минюста. Там написано, что глава организации участвовал в двух митингах. Что это были за митинги? Один митинг был посвящён вырубке деревьев вдоль улицы в городе Краснодаре. Митинг был санкционирован, согласован, в митинге участвовало 48 человек ровно, это написано в акте. Второй митинг касался огораживания берега озера в том же городе Краснодаре. Этот митинг собрал 47 человек. Вот вся политическая деятельность, которая есть налицо, никакой другой в акте нет.

Я вспоминаю Ваши слова о том, для чего нужен этот закон, – для того, чтобы оградить наши внутриполитические дела от вмешательства иностранных государств. Задача понятная, простая, ясная, законная, справедливая. Но при чём здесь митинг, законный, согласованный митинг против рубки деревьев на улице города Краснодара?

Подсчитано, что примерно треть всех включённых в реестр организаций – это экологические некоммерческие организации. Притом что охрана природы – это прямо написано в законе – не относится к политической деятельности. Но, тем не менее, причина очень простая – проще и дешевле включить экологическую НКО в реестр, чем решать поднятые ею природоохранные проблемы.

Поэтому, Владимир Владимирович, большая просьба поручить Сергею Борисовичу Иванову, Специальному представителю по природоохранной теме, по экологии и транспорту, чтобы он вместе с Минюстом почистил список этот от экологических организаций, которые туда попали просто по ошибке, по недосмотру, по лености ума. Это будет хорошим вкладом в Год экологии и в формирование практики государственно-общественного партнёрства. Потому что мы все говорим о государственно-частном партнёрстве – хорошее дело, но нужно ещё развивать и государственно-общественное партнёрство. Вот такое наше предложение.

Уважаемый Владимир Владимирович! В прошлом году на встрече с Вами мы поднимали вопрос о необходимости укрепить гарантии независимости адвокатов. Проект подготовлен, соответствующие поручения Вы дали, надеемся скоро увидеть его в Государственной Думе. Но хотелось бы, чтобы был сделан и другой шаг, не менее, а может быть, даже более важный, – укрепить независимость судей. Что я имею в виду?

Во-первых, выстроить суды общей юрисдикции по таким же судебным округам, как и арбитражные суды. Объединение высших судов создало для этого необходимые условия. Именно так было задумано отцами великой судебной реформы 1863 года, и наше предложение – подумать над таким вариантом.

В.Путин: Ещё раз сформулируйте, пожалуйста.

М.Федотов: Построить суды общей юрисдикции по таким же судебным округам, как и арбитражные суды, то есть оторвать их от регионального «телефонного права». С этой же целью мы предлагаем взять на федеральный бюджет обеспечение деятельности мировых судей, потому что сами мировые судьи получают зарплату из федерального бюджета, а все их сотрудники – из регионального. Помещение – региональное, обслуживание, охрана и так далее – всё на регионах, а следовательно, у региональных властей есть возможность опять-таки такого «телефонного права» в отношении мировых судей, а мировые судьи сейчас решают 70 процентов уголовных дел. Об этом шла речь вчера на Съезде судей.

В-третьих. Мы предлагаем законодательно закрепить право Председателя Верховного Суда и его заместителей по собственной инициативе открывать надзорное производство даже в отсутствие жалоб сторон и вне зависимости от процессуальных сроков.

В-четвёртых. Ускорить введение аудио- и видеопроотолирования судебных заседаний с прямой трансляцией в интернет наиболее общественно значимых процессов, естественно, тех, которые идут в режиме открытого заседания.

В-пятых. Ввести в КоАП норму об уголовном проступке. Сейчас такая норма появилась уже в УПК, а в КоАП её нет. Таким образом, эти два кодекса рассогласовались, а нам важно, чтобы процесс декриминализации преступлений небольшой тяжести шёл системно и не разрывалась стройность законодательства.

В-шестых. Мы предлагаем учредить институт независимого прокурора, назначаемого главой государства. Название весьма условное. Тамара Георгиевна Морщакова расскажет подробнее об этой нашей идее. Но такой институт просто необходим, чтобы положить конец тем делам, в которых корпоративная солидарность или бюрократическая сонливость мешают торжеству справедливости. Люди годами барахтаются в пустых отписках, не понимая, как можно не видеть очевидное. Для них справедливость важнее формальности, и кто-то должен, в конце концов, дёрнуть стоп-кран, чтобы эта чехарда несправедливости остановилась. Сегодня этого сделать некому.

В заключение хочу передать Вам, Владимир Владимирович, результаты нашей работы. Во-первых, это доклад об итогах работы мониторинговой группы по выборам. Вы в своём выступлении отметили работу нашей мониторинговой группы. Здесь подробный доклад со всеми приложениями. Ещё что в связи с этим докладом? В целом доклад получился весьма спокойным. Но вот что настораживает. Тот социологический опрос, о котором я говорил в самом начале, он показал, что 11 процентов респондентов указали на нарушение их права на честные и свободные выборы. 11 процентов. Этот ответ занял второе место, уступив только нарушению права на здоровую окружающую среду. А нарушение права на труд, которое всегда было у нас на первом месте в этих социологических опросах, отошло на третье место. Это заставляет задуматься.

И, наконец, о книгах. Во-первых, специально к сегодняшнему заседанию мы подготовили всего в двух экземплярах наш путевой журнал. Он рассказывает о том, что делал Совет начиная с 7 мая 2012 года. Это уже пятый выпуск. Здесь рассказано о нашей работе в регионах, о наших документах, о наших предложениях, рекомендациях, о неделях общественного контроля в регионах и так далее.

И, во-вторых, мы издали постатейный научно-практический комментарий к закону об основах общественного контроля. Мы надеемся на то, что он поможет всем субъектам общественного контроля чётко занять своё место в общем строю.

Спасибо.

В.Путин: Спасибо большое.

Если позволите, сразу буквально два комментария по поводу контрольной функции Совета. Ни один Совет при Президенте контрольной функции не имеет. Такова практика была изначально – все они при Президенте носят консультативный характер. Хотя я ничего против этого не имею. Напомню просто, что контрольные функции различных советов, а их много, естественно, они, как правило, эти советы, отраслевые. Можно обсудить, подумать. У меня

лично никакой идиосинкразии не вызывает, если члены Совета будут что-то дополнительно контролировать, может быть, это будет даже лучше.

Теперь по поводу иностранных агентов, НКО, работающих в экологической сфере. Сергей Владиленович уже имеет такую просьбу и поручение с моей стороны в целом посмотреть на этот закон ещё раз. Давайте мы туда включим Сергея Борисовича, который занимается целенаправленно экологией.

По поводу судов. Интересные предложения. Это касается организации работы, связанной с федеральными округами. Обязательно подумаем. Больше того, мы уже думаем на эту тему. Так что это совпадает с тем, над чем мы сами сейчас работаем. Чтобы взять на федеральный бюджет мировых судей, – это, конечно, отдельная тема, связанная исключительно с бюджетным финансированием, с деньгами просто, вот и всё. Конечно, лучше, наверное, если они будут максимально независимые, но они же мировые, они же там, внизу должны работать. Вытаскивать их на федеральный уровень, мне кажется, это достаточно сложное дело и очень затратное. Но посмотреть нужно. Наверное, в целом, по большому счёту, это в плюс пойдёт. Но надо посчитать.

По поводу прав Председателя Верховного Суда по надзорному производству и так далее. С голоса сложно мне отреагировать. Надо подумать. Гласность – да, безусловно. Прямо сейчас могу сказать, что поддерживаю. Чем более гласной и прозрачной будет работа судов, тем больше доверия она будет порождать у граждан.

Что касается института независимого прокурора, я не очень понимаю, что это такое, как его вписать потом в общую правовую систему. Дополнительные гарантии справедливости судебного разбирательства и работы всей правоохранительной сферы, конечно, всегда нужны. Мне потоком идут всякие письма, я их направляю тут же Генеральному прокурору. Есть проблемы, как в любой государственной структуре, в самой Прокуратуре, есть, наверное, в судах проблемы, есть в следственных органах, есть в органах предварительного дознания. Но мы так можем тоже насоздавать в каждом сегменте какие-то дополнительные структуры. Может быть, это и неплохо, просто тоже, как в предыдущем случае, с голоса, мне как-то трудно понять. Давайте подумаем. То есть я не говорю «нет», но надо понять, что это такое.

М.Федотов: Владимир Владимирович, Тамара Георгиевна подробно об этом расскажет.

В.Путин: Тамара Георгиевна расскажет. Хорошо, спасибо большое. А сейчас Сергей Александрович Цыпленков.

С.Цыпленков: Спасибо большое.

Уважаемый Владимир Владимирович, уважаемые коллеги!

Как мы только что услышали, на первом месте, если я правильно понял, опрос показал, волнует граждан нашей страны нарушение их экологических прав. Мы в Совете чувствуем по количеству обращений, которые мы получаем, – это одна из причин, почему сегодня идёт доклад на эту тему, ну а вторая причина – 2017 год объявлен Годом экологии.

Проблем много. Формат краткого выступления не позволит пройти даже коротко по всем проблемам. Часть из них мы также подготовили в письменном виде и будем Вам передавать, поэтому я пройду сейчас коротко только по некоторым из них.

Первое, на что я хотел обратить внимание, – это проблема отходов. Во многих регионах ситуация кризисная или предкризисная. И на недавнем заседании Совета по стратегическим инициативам, если я не ошибаюсь, Вы обозначали эту проблему как очень серьезную.

Принят очень хороший закон, который пока ещё не вступил в силу, а переносится года на два. Почему – потому что регионы не подготовили территориальные схемы по обращению с отходами. Самое печальное, что даже те схемы, которые подготовлены, они не вполне следуют тому, что предлагается в законе, и не вполне следуют тому, о чём Вы говорили на этом самом Совете. Вы сказали, что нужно создать экономические стимулы для вовлечения отходов в производственный оборот, добиться того, чтобы перерабатывать отходы было выгоднее, чем сжигать, или закапывать, или где-то просто сваливать. Вот этой цепочки во многих терсхемах нет.

Реформа в мусорной отрасли в качестве первоочередной задачи ставит ещё к тому же и сокращение отходов. Вот если мы посмотрим мероприятия по Году экологии, мы мало что увидим: ни следования тому призыву, о котором Вы говорили, ни вот этого основного принципа реформы.

В связи с этим мы предлагаем следующее. Да, Год экологии всего год, за этот год сразу же всё не сделаешь, но есть несколько серьезных шагов по этой очень сложной проблеме, связанной с отходами.

Первое – это подготовить (я хотел бы Вам одну фотографию передать) в рамках Года экологии законопроект, который позволит исключить производство одного очень серьезного вида отходов – это одноразовые полиэтиленовые пакеты. Фотография, которую я Вам передал, она сделана в одной из областей Среднего Поволжья, неважно где, – вот такое мусорное поле можно встретить практически везде. Это те самые одноразовые пакеты, которые невозможно переработать, которые загрязняют всё, что можно, разлагаются сотнями лет. Во многих странах приняты меры по полному изъятию этих одноразовых пакетов. По мерам, как Вы как раз говорите, экономического стимулирования для того, чтобы они не использовались. Предложение – разработать в рамках Года экологии законопроект, который позволит этого добиться, а может быть, даже попробовать предложить Комиссии ЕАЭС разработать соответствующий технический регламент.

Следующее, что мы предлагаем: опять-таки в рамках Года экологии этот посыл дать всей стране и внедрить на территории Кремля, президентской Администрации отдельный сбор мусора. Я думаю, что это будет серьезнейший психологический сигнал гражданам страны. Я думаю, что даже чиновники его услышат и почувствуют. На мой взгляд, действительно, это будет очень сильно и очень здорово.

Ну и предлагается также вспомнить некоторый опыт Советского Союза и подумать о введении залоговой стоимости на тару. Всё это позволит уменьшить тот самый объём мусора, которым мы потихонечку растаем. И если ничего не сделаем, то зарастём окончательно.

Следующая тема, которой хотел бы коснуться, – это законодательство по особо охраняемым природным территориям. Вы много делали и делаете в этом направлении. В 2014 году Вы издали поручение, которое должно было быть выполнено Правительством, по внесению поправок, исключающих изъятие земель заповедника. Так вот под этой эгидой, под это поручение готовились другие поправки, и, к сожалению, некоторые из них не прошли, и сейчас Минприроды готовит обоснование по изъятию территорий Кавказского заповедника, так называемый биосферный полигон, для строительства курортов. Уже на Кавказский заповедник начинают лезть. Причём в прошлом году, когда с Вами общался владелец одного

из этих курортов, он утверждал, что в заповедник и Сочинский заказник они не полезут, но вот сейчас происходит ровно обратное.

Минприроды сейчас готовит ещё поправки, которые также будут разрешать изымать земли с особо охраняемых природных территорий. В связи с этим предлагается поручить Правительству обеспечить принятие федерального закона, предусматривающего полный запрет на изъятие земель заповедников, в том числе путём выделения биосферных полигонов и всего чего другого они могут придумать, за исключением участков, расположенных у границ населённых пунктов, а также там, где это нужно для нужд обороны. И исчерпывающий список, чтобы не было спекуляций позже на этом направлении.

Возвращусь к тому, о чём сказал Михаил Александрович, по поводу обращений граждан по поводу того, что этот вопрос на одном из первых мест. Я думаю, понятно почему: свалки незаконные, о чём я уже говорил, и следующая тема – это соблюдение экологических прав при реализации градостроительной политики. В марте в рамках спецзаседания Совета мы рассмотрели этот вопрос. Огромное количество проблем, практически все крупные города. Времени перечислить всё у меня здесь не будет. Вот несколько пунктов, что происходит.

Нецелевое использование природных озеленённых территорий, уменьшение площадей, масштабная вырубка, игнорирование требований земельного законодательства. На кадастр парки не поставлены. Нет на кадастре – можно всё что угодно с ними делать. Нет какого-либо общения в большинстве городов с населением. Протест выплёскивается на улицы, дальше начинается прессование.

Конкретные предложения подготовлены в письменном виде. Я хотел бы обратить внимание буквально на два случая. Объясню почему. Это парк «Кусково», потому что, может быть, уже приступят к вырубке завтра-послезавтра. И это связано с тем, что уникальная и ординарная ситуация. Уникальная, потому что парк «Кусково» защищён охранными статусами: объект культурного наследия федерального значения, усадьба XVIII века, если я не ошибаюсь, памятник садово-паркового искусства регионального значения и так далее и тому подобное. Никакой охранный статус не защитил, и в этом ординарность ситуации. Согласно генплану дорога должна проходить в другом месте, она будет проходить по парку «Кусково». Летом приступили к вырубке, и Совет вмешался, получив обращение, 140 тысяч человек подписали. Михаил Александрович выезжал туда вместе с членами Комиссии по экологическим правам. Этот пример показывает, как не строительные проекты приводят в соответствие с законом, а как нормативно-правовые акты подгоняются под всевозможные эти проекты.

Второе, на что просил бы обратить внимание, это то, что происходит с территорией Новой Москвы. Планы по застройке лесов, которые вошли в Новую Москву, левобережье Москвы-реки, очень-очень серьёзные, и это будут очередные протесты, это будет уничтожение экологического каркаса.

Наверное, поскольку постольку время моё совсем подходит к концу, я хотел бы обозначить всего ещё один момент. В Госдуме произошла экологическая революция в этом году: создан Комитет по экологии, не комитет по природным ресурсам, экологии или там сельскому хозяйству и экологии, а Комитет по экологии. В Правительстве у нас до сих пор есть Минприроды – Министерство природных ресурсов и экологии. Конфликт. Предложение – собрать все экологические надзорные органы в одной структуре, подчинённой либо Президенту, либо Премьеру, и экономия, соответственно, есть, и нет того самого внутреннего конфликта.

Много вопросов. Всё невозможно поднять. Поэтому предложение ещё одно. В Год экологии провести с Вашим участием специальное заседание Совета, посвящённое экологическим вопросам. Мы со своей стороны готовы будем подготовить доклад по основным экологическим проблемам с вовлечением всех экспертов общественных экологических организаций и пригласить к участию в этом заседании Совета этих экспертов.

Спасибо большое. И некоторые материалы, подготовленные в письменном виде.

В.Путин: Спасибо.

Вы знаете, так содержательно, всего много, на всё не смогу отреагировать, тем не менее некоторые вещи очень, мне кажется, важные. Хочется сказать два слова.

Во-первых, по объединению контрольной функции в каком-то одном органе. Сложно. Хотя вроде бы как, на первый взгляд, целесообразно, но сложно. Я у Сергея Владиленовича спросил, он хоть сейчас и занимается внутренней политикой, но много лет отработал, вы знаете, в Росатоме, и создавал, практически создал эту корпорацию. Я говорю: «Можно куда-нибудь перетащить надзор в области ядерной деятельности?» Он говорит: «Нет, исключено, только Ростехнадзор». Это настолько специфическая сфера деятельности и настолько тонкая, настолько важная, что перетаскивать просто опасно. Это первое.

Второе – это не будет соответствовать нашим международным обязательствам. Есть вещи, которые так просто, к сожалению, не решить.

Эта картинка, конечно, мне тоже очень не нравится, как и Вам, где валяются пластиковые пакеты. Можно ли запретить производство пластиковых пакетов, я даже сомневаюсь.

Реплика: (Без микрофона.)

В.Путин: Разовые, может быть. Но это имеет экономические последствия. Вот это имеет экологические последствия, когда всё это так валяется, не утилизируется, а запрет производства будет иметь социально-экономические последствия. Там люди есть, которые работают, производства целые развёрнуты, деньги туда вложены. Всё это, безусловно, нужно делать. Просто нужна программа этих действий.

Ряд предложений, которые прозвучали, безусловно, должны быть взяты в работу и реализованы.

По поводу парка «Кусково», что там вырубают, я вообще первый раз слышу. Зачем вырубать парк «Кусково», я понятия не имею. Михаил Александрович просил переговорить с мэром Москвы. Обязательно переговорю. Не знаю, какие там соображения, что там рубить, зачем. Там вроде дорогу строить собираются?

С.Цыпленков: Дорога, по генплану, должна была проходить в другом месте.

В.Путин: Да.

Теперь по поводу заповедников. Конечно, я сам очень бережно стараюсь к этому относиться и всех своих коллег на это настраиваю. Вы упомянули конкретный пример, связанный с расширением зон отдыха в районе Красной Поляны. Я так понимаю, об этом идёт речь, да? Вы понимаете, там мы к Олимпиаде выстроили такую уникальную абсолютно инфраструктуру, – кто был, тот знает, – она реально уникальна даже по мировым меркам, и

люди туда едут с удовольствием. В прошлом году там было в новогодние праздники почти 450 тысяч человек! И эта инфраструктура со всем справляется, потому что там у нас и скоростные поезда наверх ходят, и это позволяет жить в нижнем кластере и ездить наверх, и две шоссейные дороги автомобильные, параллельные друг другу, там по несколько полос на каждой. И вообще там просто хорошо сделано, люди туда едут с удовольствием.

Судя по прогнозам, в этом году в новогодний сезон там будет более полумиллиона человек. И дело не в тех представителях бизнес-структур, которые просто хотят там на этом заработать, а дело в том, что нужно создавать условия для того, чтобы люди могли отдохнуть у нас, в собственной стране. Хотя я понимаю Вашу озабоченность, связанную с нарушением экологического состояния.

Я сейчас не говорю о каких-то решениях, надо, мне кажется, внимательно посмотреть. Вот Вы сказали, запретить всё, кроме изъятия в интересах обороны. Ну, сделают подрядчиком Минобороны, и всё, и проблема будет решена. Нам с вами это нужно? Нет. Лучше по-честному, объективно смотреть на проблему, а она, в общем-то, есть, её надо бы решить.

Может быть, посмотреть с участием экологических организаций, что реально предлагается. Не просто взять, изъять и потом настроить там бог знает чего, а что реально предлагается. Что-то минимизировать, свести до минимума под чётким экологическим, в том числе общественным, контролем. А если что-то изымается, рядом что-то добавить, включить в эту заповедную зону. Давайте вместе просто посмотрим. Дело не в бизнесе совершенно. Дело в интересах сотен тысяч людей, миллионов, можно сказать, которые хотят пользоваться всеми этими благами цивилизации, которые выстроены.

Там чего не хватает? Не хватает просто трасс, вот о чём идёт речь. Может быть, дать разрешение на какие-то трассы и не строить там уже никаких отелей, гостиниц, ресторанов. И так всего достаточно. Но, тем не менее, что-то прирезать в заповедник. Давайте внимательно вместе посмотрим, хорошо? А по другим вопросам тоже поработаем совместно. Спасибо.

Бобров Евгений Александрович, пожалуйста.

Е.Бобров: Владимир Владимирович, у меня два доклада. Я тезисно, покороче постараюсь, и сразу передаю.

Первое предложение по гуманизации миграционной политики в отношении соотечественников. Мы много совещаний, заседаний проводили и считаем, что необходимо в этой сфере провести, прежде всего, три системообразующих преобразования.

Первое – это предоставить длительное время находящимся в России соотечественникам, провести в отношении них миграционную амнистию, предоставить им в упрощенном порядке вид на жительство, поскольку они в силу несовершенства законодательства, ошибок своих, миграционных служб и других оснований, связанных, в том числе, с реформированием миграционной службы, вовремя не смогли обратиться за своей легализацией и находятся в тени, необходимо их легализовать. Тех, которые совершили какие-то административные правонарушения, можно легализовывать с уплатой штрафа, а остальных – бесплатно. И продлить еще на три года срок действия главы 8.1 закона о гражданстве, которая посвящена урегулированию правового статуса людей, которым российские паспорта были выданы ошибочно. По данным Управления по вопросам миграции, таких остается порядка 5 тысяч человек. Вчера законопроект рассматривался в Госдуме, но был отложен из-за позиции Управления по защите конституционных прав

граждан. Они считают, что поскольку МВД вместе с нами разрабатывает системообразующие предложения по всем категориям граждан, то не надо заниматься конкретно этой поправкой. Владимир Владимирович, мы считаем, что некорректно увязывать завершение решения проблем вот этой категории граждан с системной работой по всем остальным, и предлагаем все-таки ее продлить на три года.

В части упрощения приобретения гражданства необходимо отменить для соотечественников институт разрешения на временное проживание с тем, чтобы они могли подавать на гражданство, уже имея миграционный учет. Это лишняя ступенька на пути к гражданству.

Следующее. Упростить процедуру приобретения гражданства для носителей русского языка. Во исполнение Вашего поручения Госдума разработала порядок предоставления этим людям гражданства существенно более сложный, чем всем остальным категориям, где гражданство предоставляется в упрощенном порядке. В частности, им необходимо не просто отказаться от гражданства, а предоставить решение иностранного государства о прекращении этого гражданства. В результате из наиболее близких нам жителей Украины, тысячи которых могли бы приобрести российское гражданство, его получили только 24 человека за два года. Поэтому мы просим заменить для носителей русского языка условия о прекращении гражданства на заявление об отказе от гражданства с отметкой почты или посольства о принятии.

Следующее. Упростить процедуру приобретения гражданства участниками госпрограммы переселения соотечественников. Сейчас к ним предъявляются абсурдные и невыполнимые требования иметь в России регистрацию по месту жительства, поэтому подавляющее большинство тех, кто не имеет родственников, либо покупают поддельные документы, либо идут в «резиновые» квартиры. Вместо этого необходимо заменить регистрацию по месту жительства на элементарный миграционный учет.

Следующее. По выпускникам высших и средних специальных учебных заведений, которые заканчивают их в России. С 2011 года существует норма о том, что, для того чтобы они приобрели гражданство, они должны здесь прожить после окончания вуза еще три года. Владимир Владимирович, мы, учитывая демографическую и экономическую ситуацию, предлагаем предоставить им возможность приобрести российское гражданство, обучаясь уже на последнем курсе университета. Они уже достаточно времени прожили в России для того, чтобы адаптироваться.

Следующее. Упростить основания приобретения гражданства для проживающих в России соотечественников, в частности, тем, кто уже имеет разрешение на временное проживание и вид на жительство, дать возможность подавать на гражданство без срока проживания с этим видом на жительство, без наличия законного источника средств к существованию и без знания русского языка, поскольку они здесь длительное время находятся, надо их ввести в правовое поле.

Следующее. Исполнить требования закона по признанию наличия российского гражданства у людей, которые имели его по ранее возникшим основаниям, имеют сейчас другие паспорта. В случае сомнения в наличии гражданства, если эти люди не отказывались от российского гражданства, а по Конституции оно прекращается только путем отказа, то они его сохраняют, и здесь необходимо внести изменения всего-навсего в подзаконный акт, поскольку по действующему закону они являются гражданами России.

По защите права на российское гражданство проживающих в Туркменистане граждан России, имеющих двойное гражданство Туркменистана и России. Вопреки Вашей

прошлогодней договоренности с Президентом Туркменистана Бердымухаммедовым, все равно продолжаются нарушения прав россиян. Им не выдаются загранпаспорта нового образца, если они не отказываются от российского гражданства. В этой части мы просим Вашего содействия, с тем чтобы не допускать отказа от российского гражданства, а выдавались загранпаспорта также без проблем.

В части гуманизации основания выдворения из России и запрета на въезд. Мы считаем, целесообразно законодательно закрепить, что административное выдворение иностранцев и лиц без гражданства является наиболее жесткой мерой административного принуждения и применяется только в отношении лиц, грубо либо неоднократно нарушивших закон. Если не грубо, либо единственно, то недопустимо выдворение таких лиц. По части запрета на въезд необходимо пересмотреть эти списки, и те люди, которым въезд был запрещен, но они не совершили значительных административных правонарушений, например, влекущих административный арест, имеют в России проживающих здесь супругов – граждан России, либо детей, им также снять этот запрет автоматически. Эти люди нужны нам для экономического развития.

Уважаемый Владимир Владимирович! Каждая такая поправка легализует определенную часть людей, необходимых для социально-экономического развития. Все они концептуально поддержаны Главным управлением по вопросам миграции и Генпрокуратурой. И если мы сделаем это, то тогда повысим авторитет страны, собирающей свой народ.

И второй доклад, Владимир Владимирович, о защите права населения на осуществление местного самоуправления на примере Московской области. Сейчас в Московской области, как и в других субъектах, проводится административная реформа, связанная с преобразованием районов в городские округа. В Московской области она почему-то очень быстро проводится – в поселковые советы депутатов спускается указание, чтобы провести внеочередные советы, поддержать решение, после коммуникаций с подведомственными муниципальными службами депутатами и предпринимателями такие решения принимаются, а здесь необходима системная работа. У нас Конституция гарантирует местное самоуправление на двух уровнях: на поселенческом и на районном. Причем населению гарантируется самостоятельное участие в местном самоуправлении, самостоятельное определение структуры органов власти и их выборность. В данном случае ликвидируются все поселения, которые находятся на территории округа, ликвидируются советы депутатов и местные администрации, которые выбираются населением и ему подотчетны, и все это заменяется на назначаемого районом, будущим городским округом, начальника территориального управления, который населению неподотчетен и, наверное, будет работать в интересах лица, который его назначает. Поэтому здесь получается, что непонятно каким образом население будет решать вопросы местного значения, когда оно могло бы делать это, участвуя в представительных органах власти.

Но и здесь те неточности, которые существуют, решаются как-то келейно. Вот, например, в Нарофоминском районе есть город Верея, которому в этом году исполняется 645 лет. После вхождения его в городской округ Наро-Фоминск его история прекращается, хотя он находится больше, чем в 40 километрах от Наро-Фоминска.

Вызывает вопрос и проведение самих публичных слушаний. Вот, например, вчера в Томилино они проводились – опять кинологи, собаки, люди вышли, потом зашли, там уже сидят работники детских садов, потом опять вышли. Непонятно, зачем это все проводится. Здесь у меня более детально расписано. То есть тут системная работа еще требуется.

Здесь, уважаемый Владимир Владимирович, учитывая, что три законопроекта уже вносились в Госдуму – в 2008-м, 2015-м и 2016 годах об отмене фактически двухуровневой системы местного самоуправления, они получили резко отрицательную позицию Государственно-правового управления Президента, Правительства и Государственной Думы. Мы предлагаем поручить Правительству, Государственной Думе совместно с Генпрокуратурой проанализировать реформы, которые проводятся в Московской области и в других регионах в части соответствия законодательству, обеспечения прав граждан, и, подключив специалистов из научной общественности, выработать оптимальные формы реорганизации местного самоуправления, с тем чтобы мы не усиливали протестную активность, и права населения на местное самоуправления были наиболее сильно обеспечены.

Спасибо.

В.Путин: Спасибо большое.

По последнему Вашему сюжету, конечно, нужно поработать, а что касается собирания своего собственного народа, я полностью вообще на Вашей стороне. Здесь важны, конечно, детали, связанные с социальными последствиями того, что и Вы, и я хотел бы сделать, но понятно, о чем идет речь, речь идет о постановлениях на различные учеты, на получение пособий, на медицинское и прочее обслуживание и так далее, и так далее. Просто про эти вещи забывать не нужно, потому что это нагрузка будет на соответствующие муниципалитеты, на социальные учреждения. Тем не менее, не смотря на все эти проблемные вопросы, все равно нужно двигаться в основном по тому, что Вы предлагаете, по этому пути идти. Сергей Владиленович займется, вместе с вами обязательно поработает над этими вопросами.

Пожалуйста, Яна Валерьевна Лантратова.

Я.Лантратова: Уважаемый Владимир Владимирович, уважаемые коллеги!

Я являюсь ответственным секретарем Совета и работаю в Совете от Всероссийской общественной организации «Союз добровольцев России», которая представлена в 77 регионах нашей страны.

Выполняя Ваше поручение об организации недель общественного контроля в субъектах Российской Федерации, мы выявили комплексные проблемы в сфере защиты прав детей и подростков, которые требуют серьезного государственного межведомственного вмешательства. Так, по материалам, которые собрали активисты Союза добровольцев России и передали в наш Совет, мы узнали о страшных фактах жестокости и издевательства по отношению к детям в детском доме «Апельсин» Забайкальского края. Так, маленький мальчик, который хотел кушать, украл банан, его в качестве наказания преподаватель посадила в железную клетку, потом ребенка посадила в мешок и вынесла на ночь в лес. Ребенка вернули в интернат, мальчишку переодели в женскую одежду и избивали всем интернатом. А после другим детям в качестве наказания обжигали руки железными утюжками, наливали горячий суп в руки друг друга и заставляли есть. И другие ужасы жестокого и бесчеловечного отношения к детям.

Я немедленно вылетела в регион, собрала необходимые доказательства, и, по поручению Михаила Александровича, мы на базе нашего Совета собрали представителей правоохранительных органов, министерств и ведомств. И здесь большое спасибо Следственному комитету за незамедлительную реакцию на происходящее. Комиссия вылетела в Забайкальский край. Мы добились возбуждения 20 уголовных дел, 9 процессуальных проверок, и решили в дальнейшем проехать и другие социальные

учреждения Забайкальского края. И рядом нашли дом престарелых, где нарушались права пожилых людей. И рядом, Владимир Владимирович, нашли лицей, где пять детей совершили самоубийство, чуть больше, чем за полгода, и об этом практически никому не было известно.

После Забайкальского края мы выехали в другие регионы. В одном мы нашли данные об истязании 16-ти воспитанников. И на сегодняшний день за время нашей работы мы добились возбуждения уголовных дел в отношении насилия над детьми в 14 регионах России.

Но объезжая учреждения, мы вскрыли еще одну уникальную тему, которая требует немедленного решения, это криминальная субкультура АУЕ – «арестанско-уркаганское единство» или «арестанский уклад един». Что это такое? Это в тюрьме сидит человек и у него есть свои смотрящие на воле, и они связываются, в том числе, с детьми и подростками в социальных учреждениях и устанавливают свои порядки, и детей, и подростков заставляют сдавать на так называемый общак для зоны, а если ребенок не может сдать деньги или не может украсть и совершить какое-то преступление, он переходит в разряд «опущенных»: у него отдельная парта, отдельная посуда, над ним можно издеваться и его можно насиловать.

И страшно то, что мы видим некую тенденцию: ребенок совершает преступления и правонарушения, после этого он попадает в детскую колонию или спецшколу, где он заражается вот этой криминальной субкультурой. После этого, отбывая свой срок, он возвращается обратно, например, в детский дом-интернат, становится там смотрящим и насаждает эту криминальную субкультуру среди всех остальных детей. А по новому закону об образовании дети из детских домов и интернатов ходят вместе с обычными детьми в обычные школы. И мы видим, как эта криминальная субкультура, или другими словами ее можно назвать молодежная политика криминального мира, попадает в обычные школы.

И знаете Владимир Владимирович, что самое страшное: в последнее время ко мне стало приходиться большое количество родителей, которые приносят свои обращения о том, что их дети из благополучных семей выходят утром в школу и попадают на специальные явочные квартиры, где уже находятся алкоголь и наркотики, и они обязаны вписаться, называется «вписки», в эту криминальную субкультуру, чтобы не стать «опущенными», и оплатить алкоголь и наркотики собственным телом. Я хочу здесь отметить, что это дети 11-ти, 12-ти, 13-ти, 14-ти лет. Это очень страшно.

И тогда мы решили проанализировать сеть Интернет и посмотреть, как распространяется эта криминальная субкультура в сети Интернет. И что мы увидели? Огромное количество групп, где есть данные по квартирам, но самое страшное – большое число групп с лозунгами: «Смерть – легавым, жизнь – ворам», – с количеством подписчиков от 85 тысяч до 800 тыс. человек. Это дети и подростки. И самое главное, что мы заметили, делая аналитику, – это очень качественные видеоматериалы, это записанные саундтреки, это записанные песни и сувенирная продукция, которая производится в этих группах, что дает нам понимание, что за этим стоят очень большие деньги и заинтересованные люди.

И, конечно, мы собрали большое число криминологов, экспертов, специалистов в разной сфере, стали изучать проблему и увидели серьезные проблемы и в самих спецшколах. Во-первых, не все педагоги знают, как работать с этой категорией детей, и это действительно очень опасно. Второе – в спецшколе, вот мы порой приезжаем туда и видим, что находится там ребенок, который украл колбасу и попал в эту спецшколу, а рядом с ним находится другой подросток, который уже не первый, не второй раз совершил преступление, он находится рядом с ним. И понятно, кто из них будет «смотрящий», а кто «опущенный».

И третье, самое главное. Если и педагоги хорошие, и методика есть, то когда срок заканчивается, ребенок снова возвращается в ту среду. А у нас в России нет программы постинтернатного сопровождения. И, к сожалению, в той среде его ждут именно эти самые субкультуры, которые растят, которые понимают и которые дают возможность реализовать себя. И самое страшное, что дети в этих колониях и спецшколах очень хорошо физически подготовлены. У них есть определенное мировоззрение, они легко приспосабливаются ко всему. Самое страшное, Владимир Владимирович, что когда они выйдут из этих спецшкол, их будет целая армия.

Мы считаем, что эта проблема национальной безопасности. Здесь большая благодарность и Следственному комитету, и ФСИН, и Министерству образования, и Министерству труда, они идут нам навстречу. Но, безусловно, эту проблему нужно решать комплексно, во взаимодействии. И результаты есть. Уже добились возбуждения 14-ти уголовных дел по всей России. Но, во-первых, у Совета нет полномочий по общественному контролю. И здесь мы сталкиваемся с тем, что на официальных проверках дети никогда не расскажут, что творится в учреждениях, потому что дяди и тети из комиссии уедут, а им потом жить в учреждении. Рассказывают они только тем, кто систематически с ними работает на земле, – добровольцам, волонтерам. Но после того как мы перестаем просто приносить гуманитарную помощь и заниматься, а находим факты нарушения прав, нас всех перестают пускать в социальные учреждения, – и меня, и всю мою команду добровольцев и волонтеров.

И второе. Мы понимаем, что проблему нужно решать во взаимодействии со всеми компетентными силовыми структурами, чтобы в четком алгоритме разработать и концепцию, и программу постинтернатного сопровождения, и комплекс мероприятий, который мы, конечно, реализуем. Поэтому хотели попросить Вас, если Вы одобрите, конечно, – здесь очень важно Ваше поручение о создании межведомственной рабочей группы, которая вместе с представителями всех правоохранительных органов и правозащитниками более плотно изучит эту проблему, разработают комплекс мероприятий, и мы, конечно, вместе с ними их реализуем. И, конечно, мы готовы этим заняться, если Вы дадите поручение, потому что детей нужно защищать, потому что, к сожалению, криминальная среда забирает самых лучших и самых талантливых из них.

Спасибо.

В.Путин: Даже ничего не буду комментировать. Давайте ваши предложения, программу. Проработаем, и обязательно будем и помогать вам, и вместе с вами работать.

Спасибо большое.

Тамара Георгиевна, по прокурорской структуре.

Т.Морщакова: Немножко неожиданно, по-моему, до меня еще кто-то должен был выступить. Спасибо большое.

Я очень благодарна Михаилу Александровичу за то, что он презентовал определенным образом эту неожиданную, я бы сказала, и удивительную, может быть, для всех идею, но о чем идет речь? Речь идет о деятельности правоохранительной системы, особенно в той части, в которой она действует в уголовном судопроизводстве, на досудебных стадиях процесса, где, по сути, только она сама, эта правоохранительная система, и создает, и транслирует, и анализирует информацию о своей деятельности. Михаил Александрович совершенно справедливо сказал, что такое название, которое он повторил, лишь как условное обозначение проблемы, «независимый прокурор», – это не прокурор в подлинном смысле

этого слова, и независимости у него такой нет, как у прокуратуры, допустим, или у других правоохранительных органов, когда они осуществляют государственное обвинение, подготовку государственного обвинения и его доказывание на досудебных стадиях процесса.

Речь идет об институте, который должен служить объективной проверке информации о деятельности этой системы применительно к отдельным случаям, вызывающим сомнения у власти, у институтов общественных и, если хотите, у главы государства. У главы государства есть конституционное полномочие, и именно на этом строится предложение, которое включает задачу обеспечения согласованного функционирования органов государственной власти и использования согласительной процедуры для разрешения разногласий и принятия решений разными госструктурами, когда требуется какое-то консолидированное решение. При этом, конечно, предполагается для принятия таких действий главой государства необходимость объективного анализа конкретных и сомнительных ситуаций – именно конкретных ситуаций. Безусловно, никто не стал бы предлагать какие-то контрольные, не вписывающиеся в конституционные формы взаимодействия властей механизмы. Этого никто не может, понятно, планировать. Но в основе такой деятельности Президента по разрешению возникающих разногласий между государственными структурами, иногда даже по вопросам, которые ставятся как спорные или требующие внимания обществом, общественными структурами, нужен источник, который давал бы объективные данные, анализ и предлагал бы решения, в том числе для главы государства, потому что пока вся информация о деятельности правоохранительной системы создается ею, транслируется ею и анализируется ею самой.

Между тем, действительно, есть социальная потребность иной объективной оценки этой деятельности, потому что многие случаи обращений граждан в правоохранительную систему ничем не заканчиваются в течение многих лет. И один из таких случаев, допустим, на контроле у Совета по правам человека уже седьмой год, ничем не кончается, и каждый раз на очевидные факты официальные правоохранительные органы отвечают, что все это уж было проверено.

На самом деле речь идет об институтах, которые известны в других правовых системах, они часто называются независимыми комиссиями, специальными, условно говоря, «прокурорами» или специальными уполномоченными, и эта фигура, наверное, более всего соответствовала бы уже нашей складывающейся ныне традиции, поскольку нам известны большие потенциальные возможности институтов уполномоченных по правам человека, институтов уполномоченных при Президенте России по правам предпринимателей, по правам детей. И этот опыт дает основания думать, что поручение Президента такому специальному, если бы такая фигура была учреждена по закону, уполномоченному для того, чтобы он разобрался с конкретной конфликтной ситуацией или с ситуацией, связанной с серьезными нарушениями при установлении определенных фактов, являющихся основанием для применения закона и при применении закона, – это могло бы быть перспективным.

Речь не идет о том (это исключает, в частности, например, закон о прокуратуре), чтобы вне системы прокуратуры создавать какие-то с аналогичными функциями органы. На самом деле фигура такого уполномоченного могла бы решать только одну задачу – задачу независимой профессиональной оценки таких именно ситуаций, вызывающих сомнения и с точки зрения деятельности правоохранительной системы, и с точки зрения общества, общественных организаций, которые могут ставить вопрос перед различными государственными органами об устранении и выявлении важных общественных проблем.

Хотелось бы только вот на что обратить внимание. Совет по правам человека, конечно, может собственными силами разрабатывать такого рода предложения, концепции и проект. Но в действительности это было бы неэффективным, малоэффективным, потому что решение

таких вопросов возможно, безусловно, даже на уровне обсуждения документов, которые должны быть в связи с этим подготовлены, только по поручению главы государства, и в развитие его функций обеспечивать согласованное взаимодействие органов государственной власти, государственных структур. Сфера правоохраны здесь является очень чувствительной. И множество жалоб граждан в этой сфере не находит своего разрешения внутри правоохранительной системы. Хотелось бы именно поэтому просить о таком поручении со стороны Президента работать над этой идеей, хотя я, конечно, понимаю, что в условиях, когда есть масса конкретных других проблем в сфере правоохранительной и судебной деятельности, идея кажется далекой и утопичной, но она показала себя как практически значимая на примере, я уже сказала, многих стран.

Есть такой реальный опыт, который уже изучен, и в Австралии, и в Италии, и в Канаде, и в других государствах. И он дает результаты, особенно когда заслуживают внимания процессы, происходящие в вертикально организованных закрытых системах, где нет места общественному контролю. Работа таких конкретных, назначаемых для отдельных случаев, дел и ситуаций Президентом независимых уполномоченных, могла бы сделать более обоснованной и вызывающей большее доверие общества деятельность всех государственных структур.

На этом я бы почти остановилась. Подчеркну только один момент, который выходит уже за пределы этой темы. Правоохранительная система все время ставит перед государством, перед обществом определенные новые проблемы. Все время существуют вызовы, на которые нужно отвечать, и на которые одна только правоохранительная система сама по себе ответить не может, потому что часто, к сожалению, действует, исходя из ложно понятых ведомственных интересов. И причин для этого очень много.

Такой механизм, о котором я говорю, помог бы с этим бороться. Но нужны, конечно, и другие меры, которые редко пока удаются с положительным результатом, и о которых говорил Михаил Александрович, в области решения разных правовых проблем. Существует проблема, при 70 процентах дел, и это уже чисто процессуальная проблема и судебная проблема, – при 70 процентах уголовных дел, рассматриваемых в упрощенных процедурах, когда обвиняемый согласился с обвинением и когда просит вынести ему приговор без судебного разбирательства... Такая система может решать социальную задачу экономии усилий в сфере правоохранительной деятельности, может решать даже задачу быстрого получения наказания человеком, который не будет долгие годы связан с неразумными сроками деятельности правоохранительной системы и судов, но она никак не решает защиты других, допустим, обвиняемых по таким же делам, в отношении которых приговор, ранее полученный этим признавшим обвинение лицом, по сути, является основным доказательством. И это требует внесения уже конкретных норм, в том числе в процессуальное законодательство, потому что здесь даже разъяснений высшего судебного органа со стороны бывает недостаточно.

И многие другие законодательные предложения, которые должны обеспечить на самом деле ту задачу, которая в 12-м году была поставлена в президентской программе, – разорвать обвинительную связку между следствием и судом – тоже требуют такого решения. Я надеюсь, что мои коллеги будут еще говорить об этом. Спасибо.

Я хотела бы передать Вам, я подготовила очень короткий документ на тему именно возможности независимого анализа, без принятия каких-либо правовых мер и решений, со стороны лица, которое могло бы реализовывать вот эту фигуру уполномоченного главы государства по рассмотрению ad hoc по конкретным случаям и делам спорных конфликтных, опасных, вызывающих сомнение проблем.

Спасибо.

И я бы очень хотела, чтобы по этому поводу Совет получил такое поручение от Вас, господин Президент.

В.Путин: Спасибо большое.

Действительно, проблем в этой сфере очень много, много и ошибок – и следственных, и судебных. Ну, это естественно, жизнь – есть жизнь. К сожалению, мы знаем и о случаях произвола. Поэтому в том, что Вы говорите, безусловно, есть абсолютно точно рациональное зерно. У нас есть тем не менее, Вы сами упомянули, Уполномоченный по правам человека, по правам предпринимателей. Здесь нужно просто продумать компетенцию. Вот то, о чем Вы говорите, должно отличаться от всех других структур подобного рода компетенцией особой. Вот об этом нужно просто подумать.

Спасибо большое.

Людмила Михайловна Алексеева хотела выступить. Пожалуйста.

Л.Алексеева: Уважаемый господин Президент!

Прошу Вас обратить внимание на очень волнующую меня и моих коллег ситуацию с общественными комиссиями, наблюдающими за местами заключения. Эти ОНК появились у нас в 2008 году по закону, принятому благодаря Вам, господин Президент. Законопроект по контролю о заключении с участием правозащитных организаций, законопроект, возник за десять лет до его принятия в качестве закона. Руководители пенитенциарной системы пришли в ужас, они говорили: «Что такое общественная организация? Соберутся несколько „братков“, зарегистрируются как правозащитники, и мы должны пустить их к заключенным?» В законопроект включили условие: рекомендовать в члены ОНК имеют право только те правозащитные организации, которые зарегистрированы и работают как таковые не менее пяти лет. Это положение сохранилось и в законе об ОНК. Закон поручил утверждение членов ОНК Общественной палате.

Руководитель Совета Общественной палаты господин Бречалов и руководитель Комиссии Общественной палаты по ОНК господин Цветков сделали процедуру утверждения членов ОНК полностью закрытой, нарушив тем самым и закон об ОНК, и регламент Общественной палаты и ее Совета. Я считаю, это демонстративное пренебрежение законом.

В результате за бортом остались правозащитники, рекомендованные в соответствии с законом правозащитными организациями. Я имею в виду Анну Каретникову, которую рекомендовал российский «Мемориал», Любовь Волкову, которую рекомендовал фонд «Социальное партнерство». Я могу продолжать этот список не только по Москве, но и по Мордовии, по Ростовской, Челябинской и другим областям. Все эти люди, которые перестали быть членами ОНК, проявили себя как активные и законопослушные члены этих наблюдательных комиссий, но их без всяких объяснений отвергли. Зато членом Московского ОНК стал Дмитрий Комнов, бывший начальник Бутырки. Разве это не демонстративное нарушение Закона об ОНК?

Господин Президент, нынешняя Общественная палата – не правозащитная организация, и по идее она не должна быть такой. Почему она утверждает членов ОНК для их правозащитной

работы? Было бы логично, если бы этим утверждением занимался Уполномоченный по правам человека, но для этого нужно вносить поправки в закон.

При самых благоприятных обстоятельствах это займет много времени, поэтому я прошу Вас, Владимир Владимирович, дать указание господину Бречалову встретиться по этому поводу с Сергеем Владиленовичем Кириенко, с Татьяной Николаевной Москальковой и Михаилом Александровичем Федотовым для совместного решения, как выправить вопрос ОНК, уже возникший. Очень прошу Вас, Владимир Владимирович, поспособствовать решению этой очень болезненной для нас проблемы.

И последнее – тоже об ОНК, но уже не об Общественной палате, а о «Гражданском достоинстве». Это организация, которой поручено распределение Ваших, президентских, грантов общественным, в том числе правозащитным, организациям. В 13-м году доля от общей суммы денежных средств, которые получило на это «Гражданское достоинство», на поддержку ОНК было выделено 11,4 процента, в 14-м году – 6,9 процента, в 15-м – 7,4, а в нынешнем, в 16-м году, – 2 процента. При этом более 100 миллионов рублей остались в «Гражданском достоинстве» нераспределенными. Дело не в том, что денег не хватило. И «Гражданское достоинство» в 16-м году действовало с грантами так же закрыто, непрозрачно, как Общественная палата при утверждении ОНК. Замечу, что не получили гранты как раз те правозащитные организации, которые рекомендовали активно работающих членов ОНК, хотя эти организации вовремя и полностью отчитались по полученным грантам и предоставили новые заявки по всем правилам. ОНК ни от кого, кроме рекомендовавших их правозащитных организаций, денег получать не должны – это по закону, и это правильно.

Я хочу пояснить, что речь идет не об оплате работы членов ОНК, по закону их работа не оплачивается, они волонтеры, и так и должно быть. Речь идет о необходимых расходах на их работу. Чтобы добраться до исправительных колоний, нужно купить билет на общественный транспорт или нанимать машину. Члены ОНК, мягко говоря, люди небогатые, поэтому такая просьба: средства на ОНК передать отдельному грантооператору, и выделить этому грантооператору определенную часть президентских средств, предназначенных для финансирования общественных организаций.

Владимир Владимирович, Михаил Александрович и дорогие коллеги!

Разрешите мне сразу после замечаний, господин Президент, на мое выступление уйти, потому что я очень устала. Извините меня, просто не могу досидеть до конца, хотя очень бы хотела.

В.Путин: Спасибо большое.

У меня, собственно говоря, и комментариев особенных нет, потому что я с Вами согласен по всем этим вопросам. Мы организуем встречу. Я не могу членам Общественной палаты давать указания, но попрошу их, и здесь не будет никаких проблем. Проведем эту встречу, и коллеги между собой обсудят. Думаю, что решат вопрос, связанный с членами комиссий по проверке этих учреждений мест лишения свободы. И хочу Вас заверить, что я сам стремлюсь к тому, чтобы члены этой комиссии были людьми, которые не формально, а по сути смотрят за тем, что происходит в пенитенциарной системе, какие там условия содержания, как они работают, как соблюдаются права тех людей, которые оказались в местах лишения свободы. Это просто мое внутреннее убеждение. Я не часто, но иногда там бываю и знаю, что там есть за чем посмотреть. Первое.

Второе. До выборов или как-то по-другому, но они договорятся между собой, как это сделать. По поводу распределения средств я, честно говоря, не очень понял. «Гражданское достоинство» что-то недополучила, или она сама плохо распределяет? Я просто не знаю, как это организовано, если по-честному сказать.

Л.Алексеева: Недорасходовала. У них остались деньги.

В.Путин: Понятно. Мы обязательно обратимся к этой проблеме и, думаю, что даже, может быть, со следующего года внесем коррективы в целом в распределение этих ресурсов. Я согласен с Вами.

Л.Алексеева: Большое спасибо.

Можно, господин Президент, ударится в лирику и вспомнить? На гражданском форуме в 2002 году, который я вела, Вы обратились ко мне и очень трогательно спросили: «Людмила Михайловна, у меня очень срочные дела, можно уже уйти?». Сейчас я у Вас спрашиваю это разрешение.

В.Путин: Сергей Владиленович Вас проводит.

Л.Алексеева: Спасибо.

В.Путин: Спасибо Вам большое.

Е.Масюк: Владимир Владимирович, простите, пожалуйста, я вмешаюсь. Я хотела бы очень дополнить выступление Людмилы Михайловны. На мой взгляд, это очень важно, это коснулось, в том числе, меня, моих коллег, которых Совет Общественной палаты не включил в члены ОНК. Я хочу подчеркнуть, Совет Общественной палаты, который фактически разрушил ОНК в 42 регионах России, подчеркиваю, в 42 регионах России, это 20 человек, всего 20 человек, не имеющих никакого отношения к правозащитной деятельности.

И сейчас мы подали коллективный иск в Тверской суд на Совет Общественной палаты на основе Кодекса административного судопроизводства. Но Тверской суд нам в этом отказал, мотивируя это тем, что (я цитирую) административный ответчик Совет Общественной палаты не относится к числу органов, чьи действия могут быть оспорены в рамках Кодекса административного судопроизводства. Мы сейчас это обжаловали в Мосгорсуд, но, к сожалению, частная жалоба рассматривается в течение двух месяцев по закону, то есть до начала февраля никаких действий, как я понимаю, не будет предпринято с нашим иском. Хотя, как мне кажется, Тверской суд Москвы нарушил, потому что 5-й пункт статьи 38 КАС говорит о том, что административными ответчиками могут быть органы, организации, наделенные отдельными государственными или иными полномочиями. Именно таким ответчиком является Совет Общественной палаты.

Вообще-то это очень странная вещь. Совет Общественной палаты наделен правом назначать членов ОНК во всех регионах России, и это касается миллионов человек находящихся за решеткой, также находящихся в отделениях полиции, это гауптвахты и так далее. И в то же время это родственники, это жизнь людей, это их здоровье. Но Общественная палата никаким образом за свои действия не отвечает. Я не понимаю, каким образом это вообще может быть.

Надежды, что наш иск будет рассмотрен в ближайшее время, у меня нет. Мы настроились на долгую борьбу и, как я понимаю, нам придется обращаться и в Верховный Суд, и в Конституционный Суд за своим правом быть членами ОНК.

Потому что мы считаем, что Общественная палата совершенно произвольно, без всякого объяснения в нарушение Закона №76 «Об общественном контроле», в нарушение закона об Общественной палате, в нарушение собственного кодекса не приняла в члены ОНК, действительно, правозащитников. Туда вошли в основном бывшие работники ФСИН, МВД, Вооруженных Сил, молодежных, детских организаций и даже представители Федерации черлидинга. Если кто не знает, это девушки, которые, извините, попами виляют перед начальниками матчей.

Что теперь, за эти полтора месяца, что нет фактически общественного контроля, убитого общественного контроля 42 регионов России? Я могу сказать, например, по общественному контролю в Москве. Членом ОНК Москвы я была в течение трех последних лет. В последние два дня своих полномочий я обошла шесть изоляторов Москвы, и такое количество жалоб на медицинские проблемы, как то непредоставление лечения ВИЧ-больным, как помещение лиц с открытой формой туберкулеза в камеры с закрытой формой туберкулеза, как недостача спальных мест, когда заключенные вынуждены плести гамаки из простыней на вторых ярусах кровати. И, я подчеркиваю, все это происходит в центральных изоляторах столицы России, в городе Москве.

Это было огромное количество жалоб, но спустя полтора месяца с того, как Общественная палата разрушила общественный контроль в стране, я не слышала ни о каких жалобах о здоровье, об условиях содержания в московских изоляторах. Что, за полтора месяца все проблемы решены? У нас нет перелимита, у нас нет жалоб ВИЧ-больных, у нас нет туберкулезных больных, у нас все вопросы решены? Нет. Это говорит только о том, что те люди, которые попали в общественные наблюдательные комиссии, в том числе Москвы, не имеют никакого отношения к правозащитной деятельности, и мы фактически возвращаемся к тому, что было до 2008 года, до того, как образовались общественные наблюдательные комиссии. Все это, безусловно, постепенно может привести только к тому, что те бунты, которые были в колониях и в СИЗО и от которых постепенно удалось нашей стране избавиться, – мы к этому вернемся.

Поэтому я бы очень просила Вас, Владимир Владимирович, обратить особое внимание на формирование ОНК. И, на мой взгляд, и на взгляд очень многих людей, которые были связаны с ОНК в последние годы, Общественная палата не может формировать общественные наблюдательные комиссии. Это не профессиональное, непонятно, какое образование, и поэтому, на наш взгляд, формировать общественные комиссии должны Уполномоченный по правам человека и Совет при Президенте по правам человека, люди, напрямую имеющие отношение к правам человека.

Большое спасибо. Еще раз прошу прощения, что встряла без очереди.

В.Путин: Ничего страшного, у нас очереди нет. Поэтому, Елена Васильевна, Вы правы, нужно, конечно, там коррективы вносить. Подумаем, как это корректно сделать. Хорошо? И нам никакие бунты не нужны. Да дело даже не в бунтах. Нам нужно права человека там соблюдать. Я только вчера, поздравляя вновь назначенных высших офицеров с новыми должностями, с новыми званиями, еще раз об этом говорил. Как бы там ни было, люди оступились, находятся в местах лишения свободы, но это наши граждане, и их права должны быть обеспечены.

Полностью согласен, здесь нужен непредвзятый взгляд на то, что там происходит, в этих системах, и если что-то происходит за рамками закона, то реакция государства должна быть обеспечена, Вы правы абсолютно.

Пожалуйста.

А.Бабушкин: Уважаемый Владимир Владимирович, я тоже хочу коснуться проблемы, связанной с ОНК и правом нашего Совета как субъекта общественного контроля.

Я хочу привести Вам пример. Сейчас в СМИ очень долго поднимались вопросы, связанные с колонией № 7, где отбывает наказание Ильдар Дадин. Мы дважды ранее просили пустить членов Совета в эту колонию, чтобы ознакомиться с условиями содержания там заключенных, но получили отказ. Два года назад в одном из СИЗО города Челябинска мы обнаружили, что люди содержатся в камерах без окон, там просто нет дневного света, и не час, не сутки. Месяцами нам обещали этот недостаток устранить.

Когда мы написали письмо с просьбой пустить туда через год членов Совета, мы получили отказ. В одном из СИЗО мы обнаружили оголенные провода. В этом СИЗО за год до этого от удара током погиб человек, молодой, 18-летний парень, и когда мы попросили пустить нас туда через два года, чтобы проверить, как выполнены наши рекомендации, мы снова получили отказ.

Я думаю, что специфика нашей работы и специфика нашей деятельности как консультативного органа при Президенте предусматривает, что для того чтобы мы действительно могли Вас информировать о том, как дела обстоят в этих учреждениях на самом деле и в детских домах, и в больницах, и домах престарелых, и, конечно же, СИЗО и колониях, нам очень важно быть субъектом общественного контроля.

Что касается ОНК, ситуации с Дадиным. Рассказ Людмилы Михайловны показывает, что, к сожалению, институты общественного контроля в нашей стране пока что очень слабы. Эти «ростки» необычайно просто пока что погубить. Поэтому Совет во исполнение Вашего поручения подготовил ряд поправок к 76-му Федеральному закону, направленному на достижение одной цели – как сделать общественный контроль необратимым, эффективным и действительно повышающим доверие наших граждан к органам власти и правоохранительной системе?

После того, как наши поправки попали в Минюст, они были отредактированы. У Михаила Александровича есть чудесное выражение: «Отредактировать елку до вида телеграфного столба». Вот это произошло и с нашими поправками, они потеряли примерно две трети своего содержания и, более того, приобрели ряд опасных положений, направленных, напротив, на создание барьера для осуществления общественного контроля.

Уже год эти поправки идут через Государственную Думу. Они были приняты в первом чтении, и сейчас, Уважаемый Владимир Владимирович, мы подготовили ко второму чтению новую редакцию наших поправок. Эта редакция передана Сергею Владиленовичу, направлена Вячеславу Викторовичу, и мы очень просим Вас, чтобы Вы поддержали наши поправки к 76-му Федеральному закону. Мы убеждены, что именно на законодательном уровне необходимо создать барьеры для воспрепятствования общественному контролю и для разрушения общественного контроля непрофессиональным подходом при формировании общественных наблюдательных комиссий.

Кроме того, Владимир Владимирович, я хочу передать Вам несколько обращений по различным проблемам. Я про четыре проблемы очень коротко, телеграфно скажу. Уже несколько лет в Государственной Думе лежит поправка к 72-й статье Уголовного кодекса. Эта поправка о зачете сроков, чтобы у людей, что находятся в СИЗО, засчитывался день за полтора, если они направляются в колонию общего режима и так далее. Эта поправка была поддержана активно всеми субъектами, которые нам известны, но, к сожалению, до сих пор она вообще лежит без движения, хотя это позволило бы действительно сохранить здоровье огромного количества людей, а тем более московские СИЗО сегодня переполнены (если вычесть численность отрядов хозобслуги) в полтора раза, подмосковные СИЗО переполнены, некоторые в два с половиной раза. Я впервые в своей жизни увидел трехъярусные кровати, где между одним ярусом и другим расстояние 50 сантиметров. Сделать выше невозможно иначе люди будут ударяться головой об потолок.

Еще одна проблема, Владимир Владимирович, – это проблема помилования. Институт помилования необычайно важен, и есть целый ряд людей, которые не могут воспользоваться правом на УДО (условно-досрочное освобождение). Они просто до него не доживут. Вот я только что вернулся из Санкт-Петербурга, и там я беседовал с начальником тамошнего управления ФСИН России и он рассказал мне, что, несмотря на то, что, как правило, ходатайствуют о помиловании людей, которых просто нельзя спасти в уголовно-исполнительной системе, их заболевания такие, что лечить их надо на свободе, к сожалению, большая часть людей, которых поддержала региональная комиссия по помилованию, так помилованы и не были. За 10 лет ни одного помилования.

Я очень прошу Вас, Владимир Владимирович, может быть, дать поручение нашему Совету, чтобы мы подготовили предложения о том, как можно активизировать институт помилования.

И я направил Вам материалы по помилованию одного очень тяжело больного человека, инвалида-колясочника, инвалида I группы. Я буду Вам признателен, если Вы обратите на это прошение внимание.

И последняя проблема, она не касается ОНК. Владимир Владимирович, во время нашей с Вами первой встречи я передавал Вам наши предложения по защите культуры, языка, традиций коренных малочисленных народов. У нас здесь ситуация не хуже, чем в Европе на самом деле, но во всем мире идет эта чудовищная тенденция – маленькие народы исчезают. Это объективная тенденция, к сожалению. Но у нас есть ряд предложений, как можно эти народы спасти, как можно их национальную культуру, самобытность, часто появившуюся тысячелетия назад, сохранить. И очень просим здесь Федеральному агентству по делам национальностей, Совету при Вас по национальным отношениям, при участии нашего Совета дать поручение, чтобы мы подготовили эти предложения, и эти предложения могли бы действительно помочь спасти для будущих поколений язык, историю, культуру десятков коренных малочисленных народов нашей страны. Спасибо.

В.Путин: Что касается малочисленных коренных народов России, то совсем недавно обсуждали это на Совете по межнациональным отношениям. Безусловно, вопрос чрезвычайно для такой страны, как Россия, важен, обязательно этим позанимаемся. Эти вопросы, к сожалению, по остаточному принципу решаются, считается, что это не так важно, никто не обращает на них внимания, но на самом деле это не так, на самом деле они важны.

И по первой части – сейчас тоже без комментариев пока. Но согласен с Вами, нужно все это отработать, что касается контроля за тем, что происходит в местах лишения свободы. Давайте поработаем. Все, что возможно, все будем внедрять, и будем стараться

преодолеваются эту косность соответствующих ведомств. Они там десятилетиями уже трудятся в этой сфере, всего, видимо, побаиваются. Если начать с ними говорить, они, наверняка скажут, знаете: придут, будут проверять, а у нас денег нет, чтобы лампочки поменять. Еще что-нибудь в этом роде. Но это все отговорки. Если, действительно, есть объективные вещи, мы всегда в состоянии понять эти объективные вещи. А когда сталкиваемся с произволом, то тогда проходить мимо этого нельзя, согласен.

Я сейчас не буду ничего комментировать. А в целом абсолютно сочувственно, что называется, и с пониманием отношусь к тому, что Вы сказали.

Пожалуйста.

И.Каляпин: Владимир Владимирович, так получилось, что сегодня несколько членов Совета не сговариваясь, говорят о проблеме формирования ОНК, о проблеме функционирования ОНК, о проблемах, так или иначе которые есть в местах лишения свободы. И я тоже несколько слов скажу на эту скорбную тему.

Говорили о проблемах медицинского обеспечения, о проблемах «лампочку вернуть некому», и так далее. Но почему-то существует такое заблуждение, что уж, по крайней мере, с фактами незаконного насилия, с фактами произвола, с фактами пыток осужденным есть к кому обратиться. Для этого существует следственный комитет, для этого существует прокурорский надзор, который у нас эффективно должен действовать.

Смею заверить, что это не так, и пытки, незаконное насилие, незаконное применение физической силы и спецсредств в местах лишения свободы применяются достаточно часто, и, к сожалению, достаточно часто остаются безнаказанными.

Я несколько лет работал в группе юристов, которая дотащила до обвинительных приговоров 70 с небольшим дел, связанных с незаконным насилием, и я должен Вам сказать, что большинство этих дел начинались с того, что органы следственного комитета отказывали в возбуждении уголовного дела. Это говорит о том, что некая структура гражданского общества, некие правозащитные организации в местах лишения свободы просто необходимы для того, чтобы помогать прокуратуре, помогать следственному комитету осуществлять свои функции, с которыми самостоятельно они, очевидно, не справляются.

И в связи с этим хочется обратить Ваше внимание на то, что сейчас не только предпринимаются попытки выхолостить общественный контроль, убрав оттуда опытных правозащитников и заменив их на уважаемых ветеранов правоохранительных органов и все того же ФСИН, как это произошло в Москве. Но, на мой взгляд, ведется атака и по другому направлению на общественный контроль, потому что последний год мы постоянно сталкивались с тем, что те полномочия, которые предусмотрены 76-м Федеральным законом, полномочия членов ОНК, фактически отменялись какими-то непонятными приказами и указаниями ФСИН России, с которыми при этом нас отказывались – я говорю «нас», потому что я сам восемь лет был членом ОНК Нижегородской области – знакомить, говоря о том, что они ДСП [для служебного пользования]. И чаще всего речь шла об ограничениях тех полномочий, которые направлены на фиксацию правонарушений.

Получается так, что общественный контролер, член ОНК, приходя в места лишения свободы, приходя в места принудительного содержания, сталкиваясь с каким-то нарушением, более того, сталкиваясь с признаками преступления зачастую, например, с жалобами на незаконное насилие, на пытки, не может это зафиксировать на диктофон, несмотря на то, что такая возможность предусмотрена статьей 16-й Федерального закона, не может что-то

сфотографировать, не может что-то снять на видео. При этом ему это запрещают, ссылаясь на какие-то дээспэшные приказы или даже устные указания, якобы полученные из ФСИН России.

У меня в связи с этим в дополнение к тем просьбам, рекомендациям, которые уже были высказаны моими коллегами, есть большая просьба поручить Министерству юстиции Российской Федерации проинвентаризировать приказы, которые там в течение последнего года то ли, действительно, издавались, то ли не издавались руководством Федеральной службы исполнения и наказаний, и оценить, во-первых, с точки зрения их соответствия закону, а во-вторых, с точки зрения просто здравого смысла, насколько эти приказы целесообразны.

В качестве примера. Буквально пару слов о той же колонии № 7 в Сегеже, куда мы с коллегой Чиковым приехали две недели назад, чтобы провести проверку резонансного, нашумевшего сообщения осужденного Дадина о том, что к нему там применяются разные формы незаконного насилия. Мы просим предоставить нам документы, касающиеся его водворения в ШИЗО, нам в этом отказывают, ссылаясь на некое дээспэшное указание из Москвы. Удивительная ситуация получается. То есть речь идет о тех документах, которые сам осужденный видит, все сотрудники колонии видят. Их не показывают только тем людям, которые явились в колонию осуществлять общественный контроль – это же очевидный абсурд. А зачем мы тогда туда приехали? Записать интервью с другими осужденными нам не дают. То есть беседовать дают, а вот зафиксировать нашу беседу не дают. Чем это можно объяснить? На мой взгляд, это можно объяснить только одним – попыткой сокрыть возможные доказательства противоправной деятельности, чтобы мы потом не могли пойти и передать это в органы Прокуратуры или Следственного комитета.

У меня все, спасибо.

В.Путин: Вы знаете, несмотря на то, что у нас в целом в правоохранительной сфере много проблем, но это поручение эффективно и в соответствии с законом может исполнить только Прокуратура. Я так и сделаю, я Генеральной прокуратуре поручу провести такую работу.

А то, что несурязиц, мягко говоря, там в целом достаточно – это точно. Не знаю, кто мне это передал заявление, постановление суда. В постановлении суда написано: «Такой-то (фамилия) совершил преступление путем написания заявления в Липецкую облпрокуратуру». У меня от таких вещей, когда смотрю, просто волосы оставшиеся на голове дыбом встают. Что это такое? Со всем с ума сошли, что ли? Просто удивительно. Надо будет попросить и Генерального прокурора, и Председателя Верховного Суда с этим просто разобраться. Я уже не знаю насчет предвзятости, но насчет квалификации точно вопросы возникают, конечно.

Хорошо, пожалуйста.

К.Кабанов: Глубокоуважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые коллеги!

Дело в том, что сегодня, уже пять лет спустя после нашего доклада об участии гражданского общества в борьбе с терроризмом и экстремизмом наступил момент пересмотреть те итоги, которые мы подводили тогда, потому что изменились угрозы, появилась проблема на Украине, распространение ИГИЛ, изменились методы вербовки, вовлечения. И в связи с этим у нас, по большому счету, уже не борьба конкретно с террористами становится основной историей, полем боя становятся человеческие умы, человеческое сознание и интернет-пространство.

За последний год было принято очень много законов. И эти законы, направленные на борьбу с экстремизмом, очень правильные по сути своей. Но как Вы правильно сказали, наш Совет, занимается, в том числе, и анализом правоприменительной практики. А вот правоприменительная практика у нас зачастую может фактически перечеркнуть все.

К примеру, учитывая специфику, что российское определение экстремизма формируется за счет судебных решений – списки книг, фильмов, художественных работ, публикаций, – зачастую люди просто не знают, что это так называемый черный список.

Как они формируются? Формируются они в нижних судах, в районных судах. И есть такие примеры, когда людей осуждают, они получают реальное наказание за то, что они в своем Фейсбуке, как принято говорить, отшерили, то есть подтвердили или отдублировали, сообщение об экологическом митинге. Они говорят, на своей страничке повесил: в Нижнем Новгороде проходит митинг. Человек вешает, его осуждают, а пишут, что экстремистская деятельность. Когда люди размещают на своих страничках в Фейсбуке картины запрещенных художников, они не понимают даже, они не знают этих списков.

В связи с этим, Владимир Владимирович, есть первое предложение. Оно связано с тем, что необходимо изменить подсудность. Мы считаем, что, во всяком случае, нужно поднять статус рассмотрения дел по экстремизму, по обвинению в экстремизме на уровень окружных судов. Это, конечно, повысит уровень привлекаемых экспертов, потому что сегодняшняя вольная трактовка дает возможность привлекать непонятных совершенно экспертов, которая может сомневаться, мягко говоря, в их профессионализме, когда эксперт дает оценку материалов на экстремизм. Соответственно, есть еще одна проблема – это сами критерии.

В связи с этим у нас второе предложение – нужно Ваше поручение для того, чтобы провести работу вместе с Советом Безопасности, с Межведомственной группой по экстремизму, с Федеральной службой безопасности, с МВД на базе нашего Совета по выработке единых критериев, потому что без выработки единых критериев мы будем получать такие вот перлы и такие истории, которые, между прочим, связаны с человеческими жизнями и только нагнетают отношение.

Спасибо.

В.Путин: Михаилу Александровичу передайте предложения, они есть уже, они нуждаются в проработке, потому что вы понимаете, чем это наверняка было вызвано. Вызвано было тем, что социальные сети, и мы это хорошо знаем, все чаще и чаще используются именно для экстремистской деятельности, и у государства возникает естественное и законное желание противоборствовать, противостоять этому. У нас в ИГИЛ вербуют со всей страны, до сих пор стараются уехать, там воевать, на Ближнем Востоке. Или собирают людей на массовые незаконные, явно экстремистские мероприятия какие-нибудь: ксенофобские, националистические, какие угодно другие. Но, естественно, под эту сурдинку нельзя подводить все, что не попадя, и с этим, точно совершенно, надо аккуратненько разобраться.

М.Федотов: Можно я передам сейчас слово Караганову Сергею Александровичу? А потом Ясину Евгению Григорьевичу.

В.Путин: Да, пожалуйста.

С.Караганов: Спасибо Вам. Буду очень краток.

Я имею честь возглавлять Комиссию по исторической памяти нашего Совета, и работа нашей Комиссии – история успеха. Семь лет работы, она была борьбой, увенчались успехами. Михаил Александрович сказал уже, принята концепция, создается огромный памятник. Создан Фонд памяти, и этот Фонд памяти собирает народные деньги, гигантскую сумму, небывалую в истории России. Мы собираем 160 миллионов. Государство дало большую часть денег на изготовление этого памятника, но мы настояли на том, чтобы народ собирал деньги.

Управляют этим Фондом замечательные люди: Лукин, Солженицына, Рогинский. Я имею честь тоже там состоять, Михаил Александрович является председателем наблюдательного совета, в который входят чиновники. И, пользуясь присутствием здесь на высоком собрании, я просто хочу использовать нашу возможность и обратиться к высшим государственным руководителям нашей страны, чтобы тоже они поучаствовали. Это, действительно, народное дело. Если мы все вместе, кто – 50 рублей, кто – 100, кто – 50 тысяч, дадим на этот памятник и на последующие мероприятия, это будет важным вкладом в нашу общую работу по восстановлению исторической памяти и истории нашей страны. Спасибо.

В.Путин: Спасибо большое. У меня просьба будет: потом на секундочку зайдете ко мне.

Е.Ясин: Дорогой Владимир Владимирович, у нас просьба к Вам помочь каким-то образом «Левада-Центру», известному социологическому центру, в его дискуссиях с Минюстом по поводу признания иностранным агентом.

Я просто коротко очень скажу. «Левада-Центр» – это лучший социологический центр в нашей стране. Ученые больше всего доверяют ему. Я сам пользуюсь, я и другими пользуюсь, но этот наиболее доверенный и мирового уровня. Поэтому надо как-то помочь.

Я понимаю, что это независимый центр, иногда появляются какие-то вещи, может быть, неприятные для федеральных властей, но, с другой стороны, я бы сказал так, что это просто его знак независимости, и он в этом смысле оставляет очень серьезную долю видения России как демократического государства. Я себе не представляю, скажем, если мы исключим возможность существования таких организаций, как «Левада-Центр» или «Мемориал», что мы от этого выиграем? Я себе не представляю. Поэтому я к Вам обращаюсь с сердечной просьбой по этому вопросу.

Я смотрел документы обвинения и возражения против них, они на самом деле очень сомнительные.

Всё, спасибо.

В.Путин: Да, есть проблема, точно.

М.Федотов: Шевченко Максим Леонардович.

М.Шевченко: Спасибо.

Господин Президент! Уважаемые коллеги!

Владимир Владимирович, с 30 мая по 9 июня 2016 года большая группа членов Совета по правам человека совершила поездку по регионам Северного Кавказа. На основании этой поездки, в которой приняли участие около двух десятков членов Совета, в том числе заслуженные юристы, опытные люди, были сформированы рекомендации Совета при

Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в Северо-Кавказском федеральном округе. Эти рекомендации я позволю себе передать Вам. Безусловно, там очень много пунктов, я остановлюсь только на важнейших двух пунктах, если позволите.

Первый – это массовые нарушения гражданских прав граждан в рамках так называемого профилактического учета. Безусловно, борьба с терроризмом и с экстремизмом является важнейшим фактором безопасности нашей страны, и она носит, как об этом говорил коллега Кабанов, безусловно, общественно значимый характер и все общество должно участвовать в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Но правоприменительная практика антиэкстремистского законодательства, причем не закона, а ведомственных инструкций, которые не опубликованы в открытой прессе, привела к тому, что в некоторых регионах, в частности в Дагестане, по некоторым оценкам, в том числе руководителей правоохранительных органов, порядка 20 тысяч человек поставлены на так называемый профучет.

Это совсем не невинная процедура. Это процедура, в ходе которой люди ограничиваются в гражданских правах, причем не на основании решения суда, или следователя, или прокуратуры, что было бы естественно и было бы юридически обоснованно. Они узнают об этом случайно, проезжая блокпосты, где их часами держат, говорят, что они являются какими-то преступниками. Или, допустим, при поступлении в институты, где им говорят, что они не могут поступить в институты, потому что они являются какими-то поставленными на профучет. Люди не могут отдать своих детей в школы или детские сады. В детские сады приходят сотрудники внутренних дел, которые производят перепись детей, то есть оказывая влияние на отношение к этим детям в детских садах. Этим детей потом выкидывают, выталкивают из этих детских садов.

Безусловно, еще раз подчеркну, противостояние экстремизму – важнейшая задача, в которой мы вместе с теми, кто находится на передовой линии борьбы, должны помогать им в этом. Но массовые нарушения гражданских прав – просто вещь недопустимая. И об этом существуют такие пачки жалоб, которые поступили в Совет по правам человека, которые поступили к Уполномоченному по правам человека, Татьяне Николаевне, что эта ситуация требует, честно говоря, вмешательства Генеральной прокуратуры.

Я просил бы Вас дать поручение Генеральной прокуратуре исследовать правоприменительную практику так называемой антиэкстремистской деятельности. Я попросил бы Вас попросить также Уполномоченного по правам человека специально заняться исследованием этого вопроса. Потому что, еще раз подчеркну, речь идет в масштабах страны о внесудебном, неправовом, внеюридическом ограничении гражданских прав десятков тысяч людей, причем по абсолютно волонтаристским каким-то признакам: ваххабит, салафит, экстремист.

Могу сказать в качестве примера, допустим, что на учет поставлены, в том числе, члены Гражданского форума Алексея Кудрина в Дагестане, люди, которые работают с газетами «Коммерсант», которые работают с демократическими изданиями, и вся их вина только в том, что они занимаются какими-то критическими публикациями в отношении кого-то, но постановка на учет – это фактически более жесткая структура, чем подписка о невыезде, которую следователь берет с подсудимого в случае, если в отношении него проводятся мероприятия. Причем все попытки оспорить в суде эту практику наталкиваются на то, что людям не выдаются даже справки о том, что они поставлены на учет. Ни протоколов, ни справок, никаких бумаг, которые они могли бы представить в суд. Документ, закон не

опубликован официально. Поэтому я Вас прошу попросить соответствующие структуры исследовать этот вопрос и навести, безусловно, порядок в этом деле.

Не могу не передать Вам также просьбу лидеров ногайской общины Ставропольского края. В Ставропольском крае за последние несколько лет убито семь религиозных деятелей, имамов. В том числе, Владимир Владимирович, помните, несколько лет назад обсуждался вопрос о платках в школе. Безусловно, светская школа должна быть защищена от каких-то радикальных, каких-то иных групп, в том числе, религиозных, хотя, на мой взгляд, ношение одежды – это право человека. Если в школе есть какой-то устав, то это, наверное, право школы самой определять эту одежду. Но я Вам хочу сказать, что отцы девочек, которых тогда обсуждали всей страной, убиты, Владимир Владимирович, их убийства не расследуются. И для ногайского народа, который является коренным народом Ставропольского края, эти семь нерасследованных убийств имамов (здесь есть справка по этому вопросу) являются крайне болезненной темой.

Последний вопрос, который не могу не затронуть, – это совместная просьба, с которой к нам обратились, в том числе, и главы Ингушетии и Северной Осетии, и представители общественности двух республик, о возобновлении федеральной целевой программы по Пригородному району. Уже давно закончились какие-то предварительные результаты, и ФЦП сейчас внесла бы огромный вклад в дополнительное установление добрососедских, нормальных человеческих отношений между гражданами разных национальностей в этом регионе и позволила бы решить многие социальные и экономические проблемы.

Более подробно – здесь. Там еще есть мое личное письмо с просьбой о помиловании, о снисхождении к одному человеку, который находится в тюрьме. Я прошу Вас. Я передаю эти бумаги.

В.Путин: Что касается экстремизма и борьбы с ним. Экстремисты, мы с Вами хорошо знаем, или работают совершенно не в правовом поле, или злоупотребляют им. Они очень ловко лавируют, используют все, что предоставляет на сегодняшний день цивилизация, для того чтобы добиться целей, которые с цивилизацией вообще никак не связаны. Но это их способ. У нас не может быть такого способа достижения своих целей, мы не в XIX веке живем, мы знаем, как действовали тогда. Давайте посмотрим. Это очень тонкая вещь. В любом случае не должно ничего у нас использоваться, что противоречит действующему закону в Российской Федерации, или если правоохранители считают, что этих законов не достаточно, это должна быть публичная вещь, публичная абсолютно, принятая парламентом, обсужденная в обществе и понимаемая большинством граждан. Ничего закулисного здесь, секретного быть не должно. С этим я согласен. Давайте поработаем.

А что касается одежды, то это тоже такая очень чувствительная сфера. Вы знаете, что во многих европейских странах накладываются такие ограничения. Я сейчас не буду приводить всех аргументов, это то, что должно решаться тоже в рамках действующего законодательства. Школам, действительно, предоставлено право выбора одежды, но если совершены преступления против личности и так далее, они, конечно, должны расследоваться, как минимум.

Хорошо. Спасибо.

А.Мукомолов: Уважаемый Владимир Владимирович, я в дополнение к выступлению Максима Леонардовича хочу отметить то, что, проезжая по республикам Северного Кавказа, мы общались не только с правозащитниками, но и правоохранителями. Мы спрашивали у сотрудников Министерства внутренних дел в Кизилюрте, Хасавюрте, Махачкале, каким

образом они могут решать вопросы профилактики такого количества граждан. Те основания, что по 5–6, а то и 10 человек у каждого сотрудника МВД имеется в обороте, то есть они должны с ними каждую неделю встречаться, естественно, отслеживать, куда они едут, – это очень сложная работа, отрывающая от основной.

Мне кажется, действительно, необходимо упорядочить эту систему профилактики, потому что профилактика – это тоже защитная мера. Граждан не привлекают к ответственности, с ними беседуют, предупреждают о какой-то ответственности. Но то, что это должно быть, правильно Вы отметили, строго регламентировано и все граждане должны об этом знать, – это безусловно.

Одной из главных задач нашей поездки было урегулирование, по крайней мере, изучение обстановки в Республике Северная Осетия – Алания и Республике Ингушетии. Михаил Александрович и сотрудники общались с разными гражданами той и другой республики и с главами республик. Естественно, что договоренность о том, что Совет по правам человека окажет помощь в доурегулировании проблем, которые там, по крайней мере, имеются, – это очень важно. Мы говорили с Сергеем Владиленовичем, что после 15 декабря был негативный всплеск в средствах массовой информации, в блогосфере, что говорит о хрупкости мира.

Важно, конечно, – Максим Леонардович сказал, – чтобы эта программа была утверждена, и она была реализована, тогда будет легче решать все остальные вопросы. И один из них, который я считаю очень важным, – это вопрос розыска пропавших без вести. Порядка 250 человек с обеих сторон пропали, нашли пока только семь. Все предпосылки для розыска есть. Главы республик, нынешние главы республик, согласны эту работу проводить, естественно, с соблюдением всех мер безопасности и осторожности. Письмо, которое я Вам, Владимир Владимирович, направил, я видел, Вы его уже посмотрели.

В.Путин: Я видел.

А.Мукомолов: Обе стороны подписали, обе стороны вместе встречаются, работают вместе и это подтвердили и в парламентах, и в администрациях, и в правительствах обеих республик. Они готовы и они работают в этом направлении.

Спасибо.

В.Путин: Спасибо.

Мы поработаем. Это очень важная вещь, так же, как и то, о чем говорил Максим Леонардович.

Знаете, мы часто и в такой среде в последнее время и правильно говорим о том, что у нас светское государство. Давайте не будем этого забывать применительно ко всем конфессиям, это чрезвычайно важная вещь. Нельзя говорить, что у нас светское государство в отношении одной конфессии, а забывать про это в отношении другой. У нас либо светское государство, либо нет. А у нас светское государство. Но много тонких вещей.

А то, о чем Вы сейчас сказали, это, безусловно, гуманитарная вещь, на которую нужно обратить внимание. И не только, кстати говоря, в этой части. У нас, к огромному сожалению, эта проблема шире в стране. Это касается всего Кавказа, и не только Кавказа.

Продолжение следует...